

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф.Грубич и Т.Г.Гушиной

город Санкт-Петербург

16 июня 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской

Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан Г.Ф.Грубич и Т.Г.Гузиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в жалобе законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 139 Семейного кодекса Российской Федерации тайна усыновления ребенка охраняется законом; судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка (пункт 1); лица, указанные в пункте 1 данной статьи, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке (пункт 2).

Статья 47 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» предусматривает, что тайна усыновления охраняется законом (пункт 1); работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей (усыновителя) сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых видно, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (одним из родителей) усыновленного ребенка (пункт 2).

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривается в жалобе граждан Г.Ф.Грубич и Т.Г.Гузиной, которым решением Хамовнического районного суда города Москвы от 10 августа 2010 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по

гражданским делам Московского городского суда от 20 ноября 2011 года, было отказано в удовлетворении требования об обязанности Хамовнического отдела ЗАГС Управления ЗАГС города Москвы предоставить доступ к архивным документам, касающимся факта усыновления и регистрации рождения гражданина Г.И.Грубича – соответственно супруга и отца заявительниц, который, как им стало известно после его смерти, был в малолетнем возрасте усыновлен по прибытии в СССР из Испании. При этом суды со ссылкой на оспариваемые законоположения исходили из того, что тайна усыновления не подлежит разглашению и охраняется законом. В передаче надзорных жалоб на данные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции заявительницам также было отказано (определение судьи Московского городского суда от 13 апреля 2011 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года).

Нарушение положениями статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» своих конституционных прав заявительницы усматривают в том, что, допуская получение сведений об усыновлении только при условии согласия на это усыновителей и не предусматривая возможности получения таких сведений наследниками усыновленного в случае, когда сам факт усыновления стал им известен после его смерти и смерти усыновителей, эти положения устанавливают бессрочный запрет на разглашение тайны усыновления ребенка и тем самым противоречат статье 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право на свободный поиск и получение информации, а также ее статьям 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 24 (часть 2) и 55 (часть 3).

1.2. Согласно статьям 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и

свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации, при этом он принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Как следует из жалобы, обращение заявительниц в различные инстанции с просьбой о содействии в получении информации об имени Г.И.Грубича, данном ему при рождении, а затем в суд с требованием о предоставлении доступа к архивным документам, касающимся факта его усыновления и регистрации рождения, было вызвано необходимостью получения сведений о его происхождении, обусловленной их желанием выяснить «правду об истинных корнях» его дочери Т.Г.Гущиной. По их утверждению, отсутствие доступа к указанным сведениям служит причиной «нравственного беспокойства» Г.Ф.Грубич за моральное состояние дочери.

Поскольку Г.Ф.Грубич, оспаривая конституционность статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», преследует не свои личные интересы, а интересы дочери, эти законоположения не могут рассматриваться в данном случае в качестве затрагивающих ее конституционные права. Соответственно, производство по данной жалобе в этой части в силу требований статей 43 и 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Кроме того, применение судами в делах с участием заявителем положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», касающихся охраны тайны усыновления, никак не связано с их наследственными правами, и, следовательно, в этом аспекте оспариваемые законоположения их конституционные права как наследниц Г.И.Грубича не затрагивают.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о возможности получения потомками усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей.

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации устанавливает, что Россия является демократическим правовым и социальным государством, в котором права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием и политика которого – исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремления обеспечить их благополучие и процветание – направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (преамбула; статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статьи 17 и 18).

Исходя из того что семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства, Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 38 (части 1 и 2), что материнство

и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.

Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи, как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 года № 4-П, требуют со стороны государства уважения и защиты семейных отношений. Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование в той или иной сфере общественных отношений, должен исходить из приоритета семейного воспитания детей, необходимости укрепления семьи и обеспечения беспрепятственного осуществления ее членами своих прав, а также из недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи.

2.1. Конституция Российской Федерации, гарантируя право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4), закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1) и не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1). Из этого следует, что не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну.

Соответственно, поскольку ограничение прав, в том числе в целях защиты прав других лиц, в силу статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации может иметь место только на основании федерального закона, предполагается, что реализация конституционного права на информацию, затрагивающую частную жизнь других лиц, возможна только в порядке, установленном законом, и что федеральный законодатель правомочен определить законные способы получения такой информации. При этом Конституция Российской Федерации предполагает возможность

установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2003 года № 173-О, от 29 января 2009 года № 3-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1063-О-О и др.).

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 31 марта 2011 года № 3-П, право на свободу информации, если этим правом затрагиваются права личности, гарантированные статьями 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, осуществляется как ограничивающее указанные права личности, которые находятся под особой, повышенной защитой Конституции Российской Федерации и ограничение которых требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований и (или) допускается только по судебному решению, вынесенному в соответствии с таким федеральным законом.

2.2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера (определения от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и др.).

Этими гарантиями охватывается, в частности, институт семьи. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 января 2014 года № 1-П, одним из принципов регулирования семейных отношений является приоритет семейного воспитания детей; его реализация предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком; одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения

родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), передача под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью); наиболее предпочтительной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение), которое, как следует из пунктов 1 и 2 статьи 124 Семейного кодекса Российской Федерации, допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований абзаца третьего пункта 1 статьи 123 данного Кодекса, обязывающего учитывать при устройстве ребенка его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в его воспитании и образовании, а также полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития.

Такой подход соотносится с требованиями международно-правовых актов. Так, Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), признавая, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, обязывает подписавшие Конвенцию государства обеспечивать детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, принимать все надлежащие законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в Конвенции, признавать право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (преамбула, пункт 2 статьи 3, статья 4 и пункт 1 статьи 27).

Согласно принятым Генеральной Ассамблеей ООН Декларации прав ребенка (Резолюция 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года) и Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на

национальном и международном уровнях (Резолюция 41/95 от 3 декабря 1986 года), ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, а наилучшее обеспечение интересов ребенка и его потребность в любви и право на обеспеченность и постоянную заботу должны являться главным соображением при рассмотрении всех вопросов, связанных с передачей ребенка для заботы о нем не его собственными родителями.

3. В соответствии с пунктом 1 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации тайна усыновления охраняется законом; судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка. Охрана законом тайны усыновления предусмотрена и пунктом 1 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния».

Доступ к сведениям об усыновлении ограничен также Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (пункт 7 статьи 3 и часть 8 статьи 9), Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 года № 188 (пункт 1 утвержденного данным Указом Перечня сведений конфиденциального характера), а также Федеральным законом от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», согласно положениям которого доступ к архивным документам, несмотря на закрепленное частью 1 его статьи 24 право пользователя архивными документами свободно искать и получать такие документы для изучения, может быть ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации, при этом доступ к архивным документам независимо от их форм собственности ограничивается, если они содержат сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну; в частности, ограничение на доступ к архивным

документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов (статья 25).

Кроме того, законодатель в различных отраслях права – семейном, гражданском, гражданском процессуальном, трудовом, праве социального обеспечения, уголовном праве и др. – предусмотрел меры, направленные на обеспечение тайны усыновления.

В частности, для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя усыновленному ребенку присваиваются фамилия усыновителя, а также указанное им имя; отчество усыновленного ребенка определяется по имени усыновителя, если усыновитель мужчина, а при усыновлении ребенка женщиной – по имени лица, указанного ею в качестве отца усыновленного ребенка; если фамилии супругов-усыновителей различные, по соглашению супругов-усыновителей усыновленному ребенку присваивается фамилия одного из них; при усыновлении ребенка лицом, не состоящим в браке, по его просьбе фамилия, имя и отчество матери (отца) усыновленного ребенка записываются в книге записей рождений по указанию этого лица (усыновителя); по просьбе усыновителя также могут быть изменены дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения (пункты 2 и 3 статьи 134, пункт 1 статьи 135 Семейного кодекса Российской Федерации).

Сохранению тайны усыновления способствует также предоставление женщинам, усыновившим ребенка, в соответствии со статьей 257 Трудового кодекса Российской Федерации вместо отпуска в связи с усыновлением – отпуска по беременности и родам на период со дня усыновления и до истечения 70 календарных дней, а при одновременном усыновлении двоих и более детей – 110 календарных дней со дня их рождения. Порядок предоставления указанных отпусков устанавливается Правительством Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации от 11.01.2007 № 10).

Федерации от 11 октября 2001 года № 719 «Об утверждении Порядка предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка»).

Меры, обеспечивающие тайну усыновления, закреплены и в нормах гражданского процессуального законодательства. Согласно статье 273 ГПК Российской Федерации заявление об усыновлении рассматривается в закрытом судебном заседании. В целях сохранения данной тайны, как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей», участвующие в рассмотрении дела лица должны быть предупреждены о необходимости сохранения в тайне ставших им известными сведений об усыновлении (пункт б).

Таким образом, правовой режим тайны усыновления, установленный действующим правовым регулированием, направлен на создание полноценных семейных, подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, обеспечение стабильности усыновления, защиту прав и интересов всех членов семьи, важная роль которой в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная ею конституционная ценность института семьи требуют со стороны государства уважения и защиты отношений, которые возникают посредством установления усыновления, а потому закрепляющие этот режим положения пункта 1 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не могут рассматриваться как противоречащие Конституции Российской Федерации.

4. Вместе с тем тайна усыновления не является обязательным условием любого усыновления. Хотя чаще всего усыновители, принимая ребенка в семью, стремятся к тому, чтобы никто, в первую очередь сам усыновленный, не знал, что они не являются его настоящими родителями, и стремятся факт усыновления оставить в тайне, в ряде случаев – исходя из представления о том, что каждый вправе знать правду о своем происхождении, о кровных

родителях, об имени, полученном при рождении, и т.д., – они могут посчитать целесообразным не скрывать от ребенка, что он усыновлен. К тому же, если ребенок помнит своих кровных родителей, усыновление вообще не составляет для него тайну. Между тем это не означает, что данный факт может быть доведен до сведения других лиц без согласия усыновителей.

Если же к моменту усыновления ребенок в силу возраста или по другим причинам не мог знать о факте усыновления, дальнейшее сохранение тайны усыновления законодатель связывает исключительно с волей усыновителей, о чем специально упоминается в пункте 2 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и пункте 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Соответственно, работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей (усыновителя) сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых явствует, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (одним из родителей) усыновленного ребенка; судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

В частности, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев с лишением права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (статья 155 УК Российской Федерации).

Кроме того, на лиц, виновно разгласивших тайну усыновления вопреки воле усыновителей, суд может возложить обязанность денежной компенсации причиненного морального вреда на основании статьи 151 ГК Российской Федерации, предусматривающей такую компенсацию в случае причинения гражданину морального вреда (физических или нравственных страданий) действиями, посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (к которым относится и тайна усыновления).

Таким образом, законодатель – исходя из того, что раскрытие тайны усыновления может причинить моральные (нравственные) страдания ребенку, сказаться на его психическом состоянии, воспрепятствовать созданию нормальной семейной обстановки и затруднить процесс воспитания ребенка, – связывает возможность раскрытия сведений об усыновлении ребенка исключительно с волеизъявлением его усыновителей; вмешательство во внутрисемейные отношения со стороны иных лиц в ситуации, когда ребенок может получить интересующие его сведения о своем происхождении непосредственно от своих усыновителей, не отвечает интересам ни усыновленного, ни тем более усыновителей.

4.1. Положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», являющиеся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, как препятствующие получению сведений об усыновлении без согласия усыновителей на раскрытие тайны усыновления, применяются на практике не только для обеспечения и защиты соответствующих прав взрослого и ребенка (усыновителя и усыновленного), но и при разрешении вопроса о возможности реализации взрослыми детьми усыновленного права узнать о его происхождении после его смерти и смерти лиц, усыновивших его (бабушки и дедушки), т.е. о своем этническом происхождении, своих

предках, и, соответственно, истолковываются судами как не предполагающие раскрытия тайны усыновления без согласия усыновителей, которое в случае смерти последних не может быть получено (такая ситуация имела место в деле заявительниц, что подтверждается представленными ими документами).

Между тем, как следует из сохраняющих свою силу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Конституция Российской Федерации исходя из потребностей защиты частных и публичных интересов предусматривает разные уровни гарантий права на информацию и разную степень его возможных ограничений. При этом данное право согласно статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации может быть ограничено исключительно федеральным законом, а законодатель обязан гарантировать соразмерность такого ограничения конституционно признаваемым целям его введения (Постановление от 18 февраля 2000 года № 3-П; определения от 18 января 2005 года № 39-О, от 23 июня 2005 года № 300-О и от 17 июня 2008 года № 434-О-О).

В силу предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. При этом в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О).

Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного

лица, как того требует статья 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации; сбор или распространение информации о частной жизни лица допускается лишь в предусмотренном законом порядке и лишь в отношении тех сведений, которые уже официально кому-либо доверены самим лицом и в законном порядке собраны, хранятся, используются и могут распространяться. Иное приводило бы к произвольному, не основанному на законе вторжению в сферу частной жизни лица, право на неприкосновенность которой гарантируется Конституцией Российской Федерации, сужало бы понятие частной жизни и объем гарантий ее защиты (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1253-О).

Вместе с тем осуществляемое законодателем правовое регулирование – исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений – должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, а потому, по смыслу статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, под защитой которых находятся семья, материнство, отцовство и детство, в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов семьи и всех ее членов.

4.2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод рассматривает право на информацию в рамках свободы выражения мнения: согласно ее статье 10 каждый имеет право свободно выражать свое мнение, которое включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от

государственных границ. В Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года закреплено право ребенка знать, насколько это возможно, своих родителей (пункт 1 статьи 7), а его право на семейные связи признается, наряду с гражданством и именем, в качестве элемента права на сохранение своей индивидуальности (пункт 1 статьи 8). Свобода информации, понимаемая в контексте приведенных положений, охватывает ряд прав и свобод, связанных с самореализацией человека, в том числе гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 21, 24 и 26, – право лица на получение от государственных органов информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы, право на защиту чести и достоинства, а также право знать о своем происхождении.

Европейский Суд по правам человека в правоприменительной практике по делам, связанным с вопросами раскрытия информации об усыновлении (доступа к данному рода информации), исходит из того, что в национальном законодательстве по вопросам о сохранении в секрете официальной информации о происхождении ребенка, о личности матери при рождении ребенка и степени конфиденциальности соответствующих документов могут встречаться различные подходы. Так, указывая, что право знать своих предков в любом случае является важнейшим аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия «частная жизнь» (постановление от 21 декабря 2010 года по делу «Анайю (*Anayo*) против Германии»), Европейский Суд по правам человека отмечает, что право, признаваемое статьей 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не является абсолютным (постановление от 7 июля 1989 года по делу «Гаскин (*Gaskin*) против Соединенного Королевства»).

В постановлении от 13 февраля 2003 года по делу «Одиевр (*Odièvre*) против Франции», подчеркивая необходимость внимательного изучения законодательных правил сохранения конфиденциальности при рождении, согласно которым при желании биологической матери сохранить при

рождении ребенка в тайне информацию о собственной личности ей представляется право не устанавливать родственные связи с ребенком, и учитывая разнообразие правовой практики в различных законодательных системах и традициях, а также то обстоятельство, что родители продолжают отказываться от детей, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о том, что государства должны располагать свободой усмотрения при определении мер, необходимых для обеспечения прав, гарантированных Конвенцией в этой сфере. В другом решении, также признавая за государствами пределы усмотрения при регулировании вопросов о возможности получения усыновленным ребенком доступа к находящейся в компетентных органах информации, касающейся его усыновления, Европейский Суд по правам человека указал, что национальное законодательство должно стремиться к установлению в данных вопросах равновесия между конкурирующими правами и интересами заинтересованных лиц по такого рода делам (постановление от 25 сентября 2012 года по делу «Годелли (*Godelli*) против Италии»).

5. Из Конституции Российской Федерации, между тем, не вытекает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы и позволяющую, в свою очередь, реализовать право знать свое происхождение (в данном случае – происхождение своих родителей), не подлежит осуществлению. Напротив, его ограничения, предусматриваемые федеральным законом в конституционно значимых целях, не должны приводить к исключению самой возможности осуществления данного права. Во всех случаях, в том числе при реализации корреспондирующей этому праву обязанности органов государственной власти и их должностных лиц предоставлять соответствующие сведения, необходимо соблюдение установленных пределов его ограничения, обусловленных целью обеспечения защиты прав граждан в соответствии с семейным и иным законодательством при их нарушении.

5.1. В ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках.

Соответственно, юридическая возможность предоставления потомкам усыновленного лица информации, касающейся его усыновления, после его смерти – при отсутствии высказанной его усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления – не может рассматриваться как не имеющая необходимого конституционного обоснования. Будучи направленной на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, реализация данной возможности не только способна внести определенность в имеющие длящийся характер семейные отношения членов семьи усыновленного и его усыновителей, их потомков, но и позволяет оценить целесообразность дальнейшего сохранения тайны усыновления исходя из необходимости соблюдения всего комплекса прав биологических родителей и членов их семьи (право на неприкосновенность частной жизни, права как субъектов персональных данных и пр.): интерес потомков усыновленного в раскрытии этой тайны – не единственный подлежащий защите интерес, а его особая, преимущественная защита могла бы создать предпосылки для нарушения баланса прав и обязанностей всех участников сложной системы правоотношений, сопровождающих процедуру усыновления.

При этом одним из важных факторов, определяющих эффективность достижения указанного баланса, является обеспечение возможности судебного контроля за законностью решения уполномоченного органа об отказе в предоставлении соответствующей информации потомкам усыновленного, предназначение которого как способа разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности в силу взаимосвязанных положений статей 46 (часть 1) и 120 Конституции Российской Федерации предопределяет право заинтересованных лиц обратиться в суд за разрешением спора (за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса в установленном законом порядке).

В то же время семейная тайна, в частности тайна усыновления, это тайна семейной общности, т.е. основанного на браке или родстве объединения лиц, связанных между собой личными и имущественными отношениями, правами и обязанностями, воспитанием детей, заботой о родителях, ведением общего хозяйства. При отсутствии высказанной усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления, с которой законодатель связывает возможность раскрытия такой информации (пункт 2 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и пункт 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), смерть усыновителей как юридический факт сама по себе не прекращает действие режима тайны усыновления и не свидетельствует об изменении или отмене правовых последствий усыновления (статья 137 Семейного кодекса Российской Федерации).

5.2. Обеспечение тайны усыновления зачастую утрачивает свое правовое значение, поскольку реализация потомками усыновленного в случае его смерти и смерти усыновителей права знать происхождение усыновленного не предполагает, в силу статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязательности установления правовых отношений с биологическими родителями и иными биологическими

родственниками усыновленного после его смерти, равно как не предусмотрена такая возможность и гражданским и семейным законодательством Российской Федерации. Данный вывод находит свое отражение в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека, который в постановлении от 8 февраля 1993 года по делу «G. против Нидерландов» указал, что простого наличия биологического родства без юридических или фактических составляющих, которые подтверждали бы существование близких личных отношений, недостаточно для обеспечения защиты согласно статье 8 названной Конвенции.

Соответственно, раскрытие тайны усыновления для потомков усыновленного после его смерти и смерти усыновителей само по себе не влечет изменения объема прав и обязанностей лиц, являющихся биологическими родственниками усыновленного, или объема прав и обязанностей членов семьи усыновленного.

Исходя из этого применение положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не только для обеспечения соответствующих прав взрослого и ребенка (усыновителя и усыновленного), но и при разрешении вопросов о возможности реализации права взрослых детей (потомков) усыновленного лица после его смерти и смерти усыновителей узнать о его происхождении и при их истолковании в таких случаях как не предполагающих ни при каких обстоятельствах раскрытия тайны усыновления без согласия усыновителей объективно затрудняло бы реализацию права потомков усыновленного знать о его происхождении, поскольку после смерти усыновленного (родителя) и усыновителей (бабушки и дедушки) согласие на раскрытие тайны усыновления уже не может быть получено.

5.3. Таким образом, положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах

гражданского состояния», как направленные на сохранение тайны усыновления ребенка, относящейся к сфере неприкосновенности частной жизни, семейной или личной тайны, не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку, будучи гарантией стабильности усыновления, защиты прав и интересов членов семьи, уважения их личной и семейной жизни и тем самым – защиты института семьи, по своему конституционно-правовому смыслу и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не дают оснований для вывода об отсутствии у суда общей юрисдикции права в каждом конкретном случае решать вопрос о возможности предоставления потомкам усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в объеме, необходимом для реализации ими права знать свое происхождение (происхождение своих родителей), обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений.

Иное понимание данных законоположений приводило бы не только к не отвечающему требованиям необходимости, соразмерности и пропорциональности ограничению права на свободу информации в соответствии с критериями, которые предопределяются положениями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, т.е. в той мере, в какой это необходимо в Российской Федерации как демократическом и правовом государстве в целях защиты прав, гарантированных статьями 23 (часть 1) и 24 Конституции Российской Федерации, но и к снижению гарантий государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленных статьей 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и противоречило бы общепризнанным принципам и нормам международного права, являющимся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации.

Соответственно, указанные законоположения, по смыслу статей 6 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», подлежат применению в их конституционно-правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении, судами, другими органами и должностными лицами для обеспечения защиты прав и законных интересов усыновителя и усыновленного в течение всей их жизни, а также в иных случаях, когда раскрытие информации об усыновлении затрагивает права и законные интересы иных (третьих) лиц.

Этим, однако, не исключается право федерального законодателя в процессе совершенствования правового регулирования института тайны усыновления установить специальный правовой механизм, обеспечивающий возможность раскрытия потомкам усыновленного тайны его усыновления после смерти как усыновителей, так и самого усыновленного, – при соблюдении баланса затрагиваемых данным правовым регулированием прав и законных интересов, а также предъявляемого к нормативным положениям требования, согласно которому, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, механизм действия закона должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений прежде всего из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений применительно к конкретной сфере общественных отношений и с учетом особенностей реализуемых прав и законных интересов граждан.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу эти положения не препятствуют предоставлению по решению суда потомкам усыновленного после смерти усыновленного и усыновителей сведений об усыновлении в объеме, необходимом для реализации ими своих конституционных прав и обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений.

2. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционно-правовой смысл положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданки Гуциной Татьяны Георгиевны, если они были основаны на положениях статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру при условии, что для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 15-П